

ПОСТБИПОЛЯРНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ СИСТЕМА: ПОДХОДЫ И ОЦЕНКИ «НЕОРЕАЛИСТОВ»

Постбіполярна міжнародна система: підходи та оцінки «неореалістів»

У статті на основі критичного аналізу одного з напрямків американської зовнішньополітичної думки — «неореалізма» — представлені підходи та оцінки провідних американських спеціалістів-міжнародників з найбільш важливих проблем розвитку постбіполярної системи міжнародних відносин.

«Неореалізм» — одна из современных теорий международных отношений — представляет собой обновленную версию политического реализма. Хотя его формирование связывают с работой К. Уолтса «Теория международной политики», вышедшей в свет в 1979 г., «неореализм» развивался с самого начала по нескольким конкурирующим направлениям.

Многие работы представителей данной школы мало известны широкой украинской аудитории. Между тем «неореализм», выступая в качестве научного мировоззрения, оказывает значительное влияние на формирование внешнеполитического курса США в последние десятилетия, что касается и администрации Дж. Буша-мл. При этом не следует забывать, что между наукой об обществе и общественной практикой всегда есть определенные несоответствия. В практической политике трудно строго следовать положениям теории, да и внешняя политика США всегда отличалась прагматизмом.

Однако представление об основных концепциях «неореализма» позволяет оценивать события глазами тех американских экспертов, которые ближе других находятся к власти, глубже понимать подоплеку принимаемых решений и судить о возможных перспективах американской внешней политики.

Таким образом, в данной статье дан практический анализ работ, которые представляют собой наиболее крупные направления «неореализма» как такового, дают общее представление об исследованиях представителей этой школы по проблемам международной политики.

Обращаясь к современности, неореалисты подчеркивают, что после окончания «холодной войны» основные закономерности развития международной системы сохраняют свою силу. Дж. Миршаймер пишет о несостоятельности либеральных взглядов о самодостаточной роли международных институтов, К. Лэйн — о невоющих либеральных демократиях [1]. Согласно «неореалистам», достаточно скоро появятся новые сверхдержавы, а Европа может вернуться к новому разделению, но по другим принципам, чем во время «холодной войны». Пожалуй, внешняя политика Дж. Буша-мл. добавила этим авторам аргументов по многим позициям.

Значительное внимание неореалисты уделяют проблеме американского лидерства. Она ставит на повестку дня важные вопросы, касающиеся становления нового мирового порядка и роли США в этом процессе. Здесь нет единства мнений. Первую точку зрения, которая опирается на идеи структурного реализма, можно условно назвать «пессимистической». По мнению К. Уолтса, современная международная система сохраняет свои свойства: анархичность, суверенные государства, распределение силы как регулятор политических процессов. Ни усиление транснациональных тенденций экономического и политического развития, ни активизация негосударственных субъектов политики тоже не означают, что государство становится анахронизмом международной структуры. Масштабы глобализации преувеличены, а случаи нарушения суверенитета не отменяют его в качестве принципа организации международной системы [2]. Однополярность современной структуры — явление временное, а происходящее в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) формирование новых центров силы свидетельствует о возвращении к

состоянию многополярности. Таким образом, на фоне роста нового центра силы в АТР для США уготована роль великой державы, но не единственного лидера.

Другие авторы, близкие к «неоклассическому» направлению «неореализма», говорят о вызревании нынешнего гегемонизма из нескольких составляющих, обращаясь к истории, политическим традициям и идеологии США. Одна из них состоит в достигнутом превосходстве, которое дает США известную свободу маневра и выбора политических средств. В этом смысле доктрина Дж. Буша-мл. своими корнями связана с реалистической традицией в восприятии международной политики. Другая составляющая — это идеи мессианства, замешанные на кальвинизме и неоконсерватизме. Они состоят в навязывании всему миру такой политической и экономической системы, которая была бы по возможности близка к американской. Американская модель рассматривается как наиболее эффективная, безопасная и стабильная. Наконец, третья составляющая — распределение силы, создающее однополярную систему. Таким образом, структурное влияние тоже объективно вызывает политику гегемонизма. Исторически гегемонистские устремления не являются чем-то новым для США. Подобные условия складывались в 1890-е годы и тоже были связаны с определенным сочетанием внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов [3].

Кроме «пессимистов» и «оптимистов» еще одна группа ученых занимает «примирительную» позицию, считая, что возможно создание условий для относительного сотрудничества в рамках гегемонистской системы. Они подчеркивают бесконфликтное становление американской гегемонии. М. Мэстэндуно пишет о специфике системы безопасности в АТР, которая сложилась под влиянием гегемонизма США в этом регионе. Здесь гегемонизм принимал относительно мягкие формы. В АТР длительное время не было крупных военных конфликтов между региональными лидерами именно благодаря американскому присутствию [4].

Продолжая эту тему, Дж. Айкенберри пишет, что установление гегемонии США произошло без конфликтов между великими державами благодаря тому, что при либеральной демократии асимметрия силы способствовала не появлению новой конфронтации, а сотрудничеству через международные институты. Политику балансирования (и нарастания конфликтности) вызывает такое превосходство в силе, которое не получило оформления и легитимизации в рамках этих институтов. Здесь Айкенберри достаточно близок к рассуждениям неолибералов о роли международных институтов в обеспечении безопасности.

Сторонники относительного сотрудничества расценивают активную внешнюю политику США как конструктивный, положительный вклад в стабилизацию международной системы и укрепление безопасности. Близкую точку зрения разделяет С. Уолт: доминирование США должно восприниматься другими государствами не как проблема, а как приемлемая форма отношений. Для этого необходимо умеренное использование военной силы, укрепление сотрудничества с ближайшими союзниками и перестройка негативного имиджа Америки [5].

Помимо гегемонии внимание «неореалистов» обращается к глобальным вызовам, поскольку их стали связывать с обеспечением безопасности. В работах М. Клэра и Д. Томаса, а также в сборнике под редакцией С. Миллера и С. Линн-Джонс рассматриваются: загрязнение окружающей среды, конкуренция за природные ресурсы, неуправляемые миграции и агрессивный национализм [6]. Авторы этих работ совершенно резонно утверждают, что чрезмерное сосредоточение исследователей на проблемах периода «холодной войны» неоправданно обходит стороной эти новые проблемы международной политики. В современных условиях они способны привести к военным конфликтам между государствами. К особенностям подобных столкновений авторы относят трудности, связанные с их непредсказуемостью, со

сложностями локализации конфликтов, с невозможностью учесть их последствия. Для некоторых стран особенно важны проблемы окружающей среды, которые способны создать значительную внутриполитическую напряженность. В Китае, быстро развивающем свою экономику, причем в основном за счет экстенсивного использования ресурсов, уже назревают такого рода проблемы. Об этом говорит и серия крупных производственных аварий в 2005—2006 гг. Социальная напряженность либо способствует укреплению авторитарного режима, либо провоцирует фрагментацию государства. И то, и другое развитие событий, по мнению авторов, сделает внешнюю политику Китая более конфликтной.

Указанные авторы отмечают, что на фоне глобального обострения конкуренции за ресурсы доступ к углеводородному сырью требует присутствия США в бывших советских республиках Средней Азии. Согласно официальной установке Вашингтона, большинство запасов газа и нефти Каспийского бассейна следовало бы направить в страны Запада. За этим стоит интерес в диверсификации источников энергии, т. е. создание альтернативы беспокойному Персидскому заливу. Тем самым достигается повышение энергетической безопасности США и их партнеров. В долгосрочном плане в центре Азии решается геополитическая задача: создание элемента глобального управления за счет военно-политического присутствия в стратегически важном регионе континента. Зона Каспия — место потенциального конфликта России и США. Ни одна из сторон еще не имеет в регионе значительного военного присутствия. В то же время оба государства наращивают соответствующие усилия. Возможны также локальные войны между государствами региона, в которые будут вольно или невольно вовлечены Россия и США. Потенциальная конфликтность региона оценивается как высокая.

Продолжается спор о политике США по ядерному нераспространению.

К. Уолтс полемизирует с либералом С. Саганом, настаивает на его определенной стабилизирующей, сдерживающей роли. Уолтс указывает на ситуации, когда ядерное оружие снижает риск войны. Во-первых, если два примерно равных государства обладают ядерным оружием, то они сталкиваются с повышенным риском возмездия в случае атаки друг на друга. Характер этого возмездия может означать полное уничтожение. Итоги войны между ядерными державами более непредсказуемы по сравнению с обычными войнами. Во-вторых, если один из противников обладает только обычным оружием, то ядерной державе, которая следует стратегии сдерживания, нет нужды начинать войну для повышения уровня своей безопасности.

На системном уровне ядерное равновесие до сих пор поддерживается сохраняющимися огромными потенциалами США и России. В то же время проблема войны явно сместилась на «периферию», а ядерным оружием обладают в основном великие державы, и его распространение происходит достаточно медленно. Государство, обладающее небольшим ядерным арсеналом, едва ли попытается первым применить оружие против великой ядерной державы.

К. Уолтс считает, что политика США, направленная однозначно на нераспространение ядерного оружия, не будет достаточно действенной. Конечно, ливийский лидер М. Каддафи под давлением США отказался от программ по созданию оружия массового поражения. Но если некоторое государство видит в этом оружии единственную гарантию выживания, то его вряд ли удастся остановить. Подобный пример — Иран и Северная Корея [7]. Привлекательность ядерного оружия в качестве средства сдерживания в том, что его создание относительно дешевле участия в гонке обычных высокотехнологических систем вооружений. Поэтому позиция США по нераспространению должна быть избирательной. Тем более, что в годы «холодной войны» и СССР, и США на практике придерживались именно такой тактики: США помогли стать

ядерными державами Франции и Великобритании, а СССР — Китаю.

Правда, К. Уолтс сознательно не принимает во внимание те случаи, когда ядерное оружие попадает в руки негосударственных субъектов международной политики, например, террористических организаций. Это связано в первую очередь с дедуктивным характером структурного реализма, ориентированного на государственно-центричную модель международной системы. А что касается террористов, то, поскольку Уолтс их не относит к рациональным субъектам политики, структурная теория не может дать ответа на вопрос о закономерностях их поведения.

В работе Н. Макфарлэйна предлагается неореалистическая интерпретация внешней политики современной России. Автор считает, что после 1996 г. принятие решений все более диктовалось принципами уже не либеральной, а реалистической парадигмы. В этом ключе объясняется политика России по консолидации «ближнего зарубежья». В сфере внешней политики Россия находится перед выбором между политикой балансирования и следования в фарватере более сильного оппонента. Ресурсов для политики баланса сил у России нет. Макфарлэйн делает вывод, что Россия будет искать сотрудничества с ведущими державами Запада в той же мере, в какой будет происходить деградация политической власти.

Но вынужденное сотрудничество не следует путать с капитуляцией. Есть определенные пределы сотрудничества, на которые Москва не пойдет, даже несмотря на риск ухудшения отношений с Западом. Россия не желает сворачивать активность в бывших советских республиках; не отказывается от продажи оружия странам, враждебным США; занимает негативную позицию в отношении расширения НАТО; выражает несогласие с Западом по поводу развития конфликта в Югославии; не желает идти на территориальные уступки Японии по поводу так называемых «Северных территорий». Макфарлэйн отметил, что на Западе ожидали гораздо

более уступчивой политики Москвы. Автор предостерегает от упрощений в интерпретации внешней политики России, от подгонки ее политики под те или иные теоретические положения. Россия внушает опасения в основном в связи с большими запасами ядерного оружия и утечкой технологий, которые могут иметь военное применение. Источником потенциальной опасности считается все еще достаточно мощный военно-промышленный комплекс России. Что касается политики России в рамках СНГ и других организаций на постсоветском пространстве, то она считается неэффективной [8]. В работах Р. Хааса, Дж. Айкенберри, М. Брауна, С. Миллера, С. Линн-Джонс, Э. Кэпстейна, Ч. Крокера, Ф. Хэмпсона, С. Стэдмана, Д. Бимэна, Дж. Грина, З. Хэлизада, И. Лессера, Б. Поузена, Г. Саммерса обсуждаются варианты внешнеполитической стратегии; модели военных доктрин будущего; перспективы сохранения лидирующих позиций США; пределы сотрудничества США с другими государствами; угрозы региональной и глобальной безопасности; условия стратегической и региональной стабильности; критерии военного вмешательства США за рубежом.

«Неореалисты» предлагают несколько вариантов будущей стратегии США: неоизоляционизм, выборочное участие и превосходство. Идеи «неореалистов» — сторонников концепции превосходства — нашли отражение в Национальной стратегии по борьбе с терроризмом и Национальной стратегии безопасности [9]. Принятая в 2002 г. стратегия безопасности вызывает споры между «неореалистами», так же как и ряд внешнеполитических шагов Дж. Буша-мл.: выход из договора по ПРО от 1972 г., интервенция в Ираке в 2003 г., игнорирование Совета Безопасности ООН при использовании военной силы.

По мнению части «неореалистов», стратегия превосходства чревата эффектом перенапряжения сил, когда расширение обязательств США перестанет соответствовать их реальным возможностям. Если она и оправдывает себя какое-то время,

то в будущем все равно следует иметь в виду объективную тенденцию к появлению новых претендентов на лидерство. Кроме того, подчеркивают они, необходимо изменить подходы к измерению национальной мощи. В постиндустриальную эпоху мощь государства должна оцениваться не только на базе привычных атрибутов государства, когда оно считается «контейнером» ресурсов (валовый национальный продукт, население, вооруженные силы и т. д.). В частности, необходимо обращать особое внимание на показатели инновационной деятельности, умение использовать знания и особенности общественных институтов.

В работах Р. Арта, Р. Асмуса, С. Ларраби, Б. Рассета, Дж. Симона, А. Стэма, Р. Хантера описаны возможные перспективы развития НАТО.

Согласно наиболее радикальному взгляду, отвечающему стратегии превосходства, самоустранение США от функции лидера ведет к эффекту «вакуума власти» и негативным последствиям. Произойдет рост нестабильности в международных отношениях. Следуя такой логике, США «обязаны» выполнять роль глобального лидера, а НАТО — один из главных инструментов этой политики.

Специалисты из Университета национальной обороны тоже считают, что НАТО — необходимый гарант демократических режимов в Восточной Европе, противовес возрождению мощи России, а также важный инструмент для сохранения американского влияния в Европе. Россия внушает опасение из-за того, что она остается единственной европейской державой, все еще способной с помощью военной силы изменить политическую ситуацию на континенте. В этом смысле говорят о «латентной угрозе» со стороны России не только Европе, но также странам Балтии и СНГ [10].

Более умеренные оценки еще в начале 1990-х годов были озвучены некоторыми экспертами РЭНД-корпорейшн [11]. Они призывали к более тесному сотрудничеству с Россией в обеспечении европейской безопасности, направленному на

«мягкое», бесконфликтное выдавливание России и одновременное расширение альянса.

По оценке Р. Асмуса, действия администрации Дж. Буша-мл. вообще привели к «коллапсу Атлантического альянса», который выразился не только в падении авторитета США, но и в том, что теперь союзникам по блоку необходимо формулировать новые цели и новую стратегию. Р. Асмус ведет речь о дальнейшем расширении стратегических задач НАТО в направлении Востока: совместной политики в регионе Черного моря, на Кавказе, на Каспии и в Центральной Азии. В свете сегодняшних главных угроз (терроризма и враждебных государств) в качестве объединяющей Европу и Америку идеи предлагается создание в рамках Евросоюза «Управления по внутренней безопасности» (Office of Homeland Security) [12].

Хотя НАТО отводится важная роль в новой системе безопасности в Европе и за ее пределами, эта организация на практике становится инфраструктурой для выполнения широкого круга задач, а не военной организацией в ее прежнем виде. Например, программа «Партнерство ради мира» предназначена для развития сотрудничества между членами альянса и другими странами Центральной и Восточной Европы, для усиления контроля гражданского общества над вооруженными силами, для повышения доверия между государствами, которые ранее принадлежали к противостоящим военным блокам. В перспективе роль НАТО многим видится в том, чтобы постепенно военный альянс становился инструментом евроатлантической интеграции в самом широком смысле слова.

Что касается дальнейших отношений России и НАТО, то о полномправном участии в этой организации не идет речи. Максимум, что планируется позволять России — совещательный голос, но не участие в решениях. Какие же выдвигаются аргументы? По американским оценкам, российские вооруженные силы «слишком деградировали, чтобы соответствовать высоким натовским стандартам». Стоимость адаптации России слишком

высока по сравнению с пользой от ее вступления в альянс. Экономический потенциал России, сравнимый с Бразилией, не позволяет ей в значительной мере ни ухудшить, ни улучшить возможности НАТО. Экономика, политическая система и степень коррумпированности власти современной России также не соответствуют западным стандартам. Пожалуй, наиболее весомый довод связан с тем, что Россия не может быть лояльным союзником Запада, а ее реальный интерес — блокировать расширение НАТО. Причем это не зависит от официальной риторики Москвы. Вхождение России в альянс будет сопровождаться значительной потерей его управляемости из-за ожидаемой политики балансирования со стороны России.

«Неореалисты» высказывают пессимизм по поводу дальнейшей судьбы Совета Безопасности ООН, причем независимо от того, как обернется военная интервенция США в Ираке, предпринятая в 2003 г. без санкции этого Совета. Г. Гленн отмечает, что Совет Безопасности ООН был полезен лишь в тех случаях, когда вопрос о применении силы не касался великих держав. В настоящее время международный терроризм и угроза распространения оружия массового поражения могут коснуться любого государства. Даже в случаях, когда потребуются невоенные меры, Совет Безопасности ООН будет снижать их эффективность из-за продолжающихся взаимных подозрений между его постоянными членами и падения доверия. М. Гленн доказывает, что структура и полномочия Совета Безопасности ООН не соответствуют реалиям однополярного мира, а потому неизбежна его замена на новую организацию [13].

Анализ американской политической мысли, касающейся американского «неореализма», дает основания для следующих выводов.

Во-первых, опубликовано большое количество работ по истории формирования, по теоретическим и философским корням «классического» реализма, но в гораздо меньшей степени — «неореалистического» направления.

Во-вторых, «неореализм» считается гораздо более разнородной парадигмой по сравнению с «классическим» реализмом эпохи Г. Моргентау. Это касается как методологии, так и концептуального содержания различных направлений «неореализма». Многим критикам данное обстоятельство дает основание утверждать, что «неореализм» развивается в сторону дальнейшей дивергенции. На наш взгляд, можно говорить о целостной парадигме.

В-третьих, опубликовано значительное количество критических исследований «неореализма» представителями других теоретических парадигм. В них подчеркиваются недостатки и даже противоречия между его отдельными направлениями. Например, по вопросу об условиях стабильности международной системы или перспективах полярности системы в XXI в. Из этого критики делают вывод, что «неореализм» находится в состоянии глубокого кризиса. Сами же «неореалисты», наоборот, видят в острой конкуренции идей источник живучести этой школы.

В-четвертых, теория «неореализма» в целом и «структурный реализм», в частности, остаются в центре политического дискурса в самих США и за их пределами. «Неореалисты» по-прежнему публикуют, пожалуй, наибольшее количество работ по проблемам безопасности и другим вопросам международной политики. «Неореалистическую» направленность имеют наиболее авторитетные экспертные организации, ведущие исследования в военно-политической сфере: РЭНД-корпорейшн, Институт национальных стратегических исследований при Университете национальной обороны, Институт стратегических исследований при Военном колледже, Военно-морской колледж, Американский предпринимательский институт, Университет Дж. Гопкинса, Массачусетский технологический институт. Это говорит о сохраняющемся влиянии неореализма как на академическое сообщество, так и на систему принятия внешнеполитических решений в США.

В-пятых, один из центральных вопросов международной политики — дальнейшие перспективы американского гегемонизма — не имеет однозначного ответа. Согласно наиболее пессимистической точке зрения, гегемонизм объективно не может существовать долго. Другая точка зрения состоит в том, что только эффективная внешняя политика способна продлить лидерство США. Ее суть в том, что США должны искать средства, чтобы оставаться приемлемым для всех лидером в военной, экономической и политической сферах, а не навязывать свою волю по имперской модели. Наконец, есть неореалисты, убежденные в прочности и продолжительности американской гегемонии, основанной на достигнутом превосходстве и преимуществах либеральной демократии, которые США могут использовать лучше других.

В связи с темой лидерства следует отметить, что последние внешнеполитические инициативы Дж. Буша-мл. не пользуются широкой поддержкой среди «неореалистов». Возражения в первую очередь вызывают принцип односторонности действий и агрессивный характер стратегии национальной безопасности США от 2002 г., предполагающий превентивные военные действия против всего лишь гипотетической угрозы.

Кроме того, многие американские исследователи отмечают упрощенное видение международной политики администрацией Дж. Буша-мл. Это касается формулирования задач, средств их достижения и прогнозируемых последствий. Считается, что сегодняшний внешнеполитический курс США не только не способствует сохранению лидерских позиций, а наоборот, стимулирует политику балансирования со стороны великих держав и неоправданно увеличивает издержки внешней политики.

Многие «неореалисты» считают, что их наработки не востребованы политиками Вашингтона в должной мере, с чем трудно не согласиться. На наш взгляд, в академическом сообществе наблюдается рост популярности стратегии

избирательного участия и различных версий неизоляционизма в качестве альтернативы стратегии превосходства. Конечно, критика неореалистов не означает, что они считают внешнеполитический курс США принципиально ошибочным. Речь идет о выборе оптимальной стратегии, обеспечивающей лидерство, а также о том, что в настоящее время за достижение стратегических целей Америке приходится платить слишком большую цену.

Литература

1. *Mearsheimer J.* The False Promise of International Institutions // *The Perils of Anarchy: Contemporary Realism and International Security* / Ed. by M. Brown, S. Lynn-Jones. — Cambridge (MA). — MIT Press. — 1995. — P. 332—376; *Lane Ch.* Kant or Can't: The Myth of Democratic Peace // *Ibid.* — P. 287—331.
2. *Waltz K.* Structural Realism after the Cold War // *America Unrivaled: Future of the Balance of Power* / Ed. by G. Ikenberry. — Ithaca — London. — Cornell Univ. Press, 2002. — P. 29—67.
3. *Monten J.* The Roots of the Bush Doctrine // *International Security*. — 2005. — Vol. 29. — № 4. — P. 112—156.
4. *Mastanduno M.* Incomplete Hegemony and Security Order in the Asia — Pacific // *America Unrivaled: Future of the Balance of Power* / Ed. by G. Ikenberry. — Ithaca — London. — Cornell Univ. Press, 2002. — P. 181—210.
5. *Walt S.* Timing American Power // *Foreign Affairs*. — 2005. — Vol. 84. — № 5. — P. 106.
6. *Global Dangers: Changing Dimensions of International Security* / Ed. by S. Lynn-Jones, S. Miller. — Cambridge. — 1995; *World Security: Challenges for a New Century* / Ed. By M. Klare, D. Thomas. — New York, 1994.
7. *Waltz K.* Nuclear Myths and Political Realities // *American Political Science Review*. — 1990. — Vol. 84. — № 3. — P. 731—745.

8. *MacFarlane N.* Realism and Russian Strategy // Unipolar Politics: Realism and State Strategies after the Cold War / Ed. by E. Kapstein. — New York. — Columbia Univ. Press, 1999. — P. 218—260.
9. National Strategy for Combating Terrorism. February 2003. — Washington. — 2003; National Security Strategy of the United States of America. — Washington, 2002.
10. Sources of Conflict in the XXI Century. MR — 897 — AF / Ed. by Z. Khalizad, I. Lesser. — Santa Monica, 1998. — P. 237—239, 302.
11. *Asmus K, Kugler R., Larrabee S.* Building a New NATO // Foreign Affairs. — 1993. — Vol. 72. — № 4. — P. 34—52.
12. *Asmus R.* Rebuilding the Atlantic Alliance // Foreign Affairs. — 2003. — Vol. 82. — № 5. — P. 95—103.
13. *Glennon M.* Why the Security Council Failed // Foreign Affairs. — 2003. — Vol. 82. — № 3. — P. 34—35.

ГЛОБАЛІЗАЦІЯ, ЗАГАЛЬНА БЕЗПЕКА І БЕЗПЕКА В УКРАЇНІ

Міжнародні відносини як наукова дисципліна нині привертають увагу вчених цілим спектром важливих проблем. Кінець холодної війни не призвів до закінчення історії або загибелі цивілізації. Міжнародні відносини розвиваються і за старими, і за новими законами, використовуючи загальновідомі факти, а також враховуючи сьогоденні реалії. Такі проблеми, як нерівномірний розвиток, перенаселеність у нерозвинених країнах, забруднення навколишнього середовища, так само як і жорстокі форми тероризму, набувають все більшого значення.

Теорії міжнародних відносин, що були не в змозі пояснити міжнародні події у світлі моністичного підходу і передбачати їх, не зможуть зробити цього й у майбутньому. Безумовно, набагато легше повірити, що крім так званих традиційних теорій міжнародних відносин з'являться нові, котрі спробують пояснити суть міжнародних відносин. У центрі уваги нових зусиль перебувають питання, спрямовані на усвідомлення сутності глобальних подій, що відбуваються у сучасному світі. Ці питання потребують глибокого дослідження, яке буде зв'язане з глобалізацією всього процесу, глобальним керуванням світу і глобальною безпекою.

Вимоги процесу глобалізації

Глобалізація як сучасний процес, що підсилює всі типи прикордонних відносин, у дійсності поширюється по всіх територіях. Переборюючи економічні, соціальні, культурні і навіть політичні бар'єри, процес глобалізації може спостерігатися в деяких сферах сучасного життя: